Культура. – 1994. – 19 марта. – С. 9.

ВЫСТАВКИ

МАСТЕР ДУШЕВНЫХ СМУТ

К нам вновь приехал Эрнст Барлах. Что представляется совершенно естественным. В первый раз он появился самолично в Харькове у своего брата Ганса во второй половине 1906 года и вернулся на родину, в Германию, с таким запасом жизненных и художественных впечатлений, которые позволили ему стать самим собою — великим Барлахом. За спиной остались академические штудии, натуралистические изыски, освоение крестьянских образов, пластичности южнорусских костюмов. Иной, по-своему величавый, ритм жизни позволил художнику преодолеть творческий кризис, найти самого себя, свой стиль. И по-другому взглянуть на немецкое народное искусство, на произведения замечательных резчиков, издавна украшавших готические соборы, капеллы, замки, ренессансные дворцы.

Барлах — одна из интереснейших страниц еще не написанной книги, посвященной влиянию России на искусство уходящего века. Мы, рассуждая на эту тему, обычно «зацикливаемся» на «Русских сезонах» С. Дягилева, на неоспоримой мощи русского авангарда, а теперь на соцарте. Все это так, но из этого перечня, из «титлов» подобного рода выпадает не только множество имен, но и самый русский контекст, та особая атмосфера, которая действовала на многих художников, как некий замечательный творческий эликсир.

Мы не впервые знакомимся с графикой Барлаха. Прежде всего надо вспомнить грандиозную выставку, показанную в Пушкинском музее в 1970 году. Тогда коллеги из бывшей ГДР прислали одну из самых совершенных монографических экспозиций. Ее апофеозом, смысловым центром была фигура «летящего ангела» с лицом замечательной художницы Кете Кольвиц. «Летящий ангел» — фигура, подвешенная в одном из приделов в древнем соборе св. Николая Гюстрова, небольшого мекленбургского городка, куда отъехал Барлах от берлинской суеты. У Кете Кольвиц в первую мировую войну погиб сын. Ее бронзовое лицо, исполненное скорби, напоминает о гюстровцах, павших на полях сражений Восточного и Западного фронтов.

Мне удалось увидеть «ангела» в самом Гюстрове. И, кажется, в Москве, где больше для него света, пространства, он выглядел лучше. Но дело сейчас не в этом. Барлах-скульптор со своими мощными, экспрессивными образами экранизировал Барлаха-графика, Барлаха-рисовальщика.

Меж тем и в этом виде искусства он замечательный мастер.

Он, получивший в Дрездене солидную академическую подготовку, никогда в зрелые годы не волновался школярски-точным анатомическим и перспективным правдоподобием. Свои многочисленные эскизы он выполнял углем сильными, стремительными штрихами. Ничто так не отражает сильный, динамичный и бескомпромиссный характер художника, как эта мощная, пластичная выразительная линия. Рисунки положили основу сериям печатной графики, которые немецкие специалисты считают одной из вершин экспрессионизма.

Диапазон коллекции, доставленной из Штутгарта и показанной в Москве при содействии Немецкого культурного центра имени Гете, охватывает весь круг интересов Барлаха-графика. Экспозиция включает иллюстрации к его собственным драматургическим произведениям — «Мертвому дню» и «Бедному кузену». Это сложные символистские циклы, и, выполненные в одинаковой технике — литографии, они приметно отличаются языком. Листы к первой драме—скульптурны, объемны, мастер часто обращается к силуэту. И это понятно. Действие относится к временам отдаленным, даже мифическим. Основная идея второй пьесы достаточно общая для настроений предвоенной интеллигенции (имеется в виду 1-я мировая) — богоискательство. И здесь литографский карандаш мастера быстр, легок, он остро передает переживания персонажей и главного героя Ганса Зиверса — самоубийцы.

Однако душевные смуты послевоенного времени оказались сильнее предыдущих. И это состояние нашло отражение в гравюрах на дереве. В них ощущение того библейского ужаса, который словно предвещал и Гитлера, и новую мировую, и горечь собственных последних дней. Великая вещь художественное предвидение! В этом убеждаешься, разглядывая «Женщину на коленях перед умирающим ребенком», «Женщину, ловящую собак».

Уныние, как известно,—смертный грех. И среди литографий, исполненных душевной тревоги, нет-нет и пробиваются, как солнечные зайчики,— «Веселый калека», «Радость, дар богов прекрасный» (к оде Ф. Шиллера), «Новый день»...

После прихода к власти Гитлера с Барлахом обошлись, как нынче говорят, круто. Он подвергся травле. Его памятники были демонтированы, а станковым произведениям отказано в музейном приюте. Творец глубокой мысли и неукротимого темперамента был объявлен нежелательным элементом, его искусство — «выродившимся».

Барлах отвергал любые возможности приспособиться, подладиться к режиму. Полагаю, знал, что его искусство дождется новых времен.

Олег ИВАНОВ.

● *Э. Барлах. Госпожа Забота.*